

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЧУДЕСА

Зинаида Гиппиус

Чудеса

«Public Domain»

1932

Гиппиус З. Н.

Чудеса / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1932

«– Правда, что твоя мама сумасшедшая? – спросила Анна. Леша медленно повернул к ней коричневые глаза с немного воспаленными белками. Проговорил без интереса:– Не знаю. Почему?..»

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Чудеса

1

– Правда, что твоя мама сумасшедшая? – спросила Анна.

Леша медленно повернул к ней коричневые глаза с немного воспаленными белками. Проговорил без интереса:

– Не знаю. Почему?

– Потому тебя дядя и увез к бабушке. От бабушки на лето к нам, а к маме уж не повезет.

Анна сняла парусиновую сандалию, деловито постучала ею о садовую скамейку, чтобы вытряхнуть камешки, и снова обула тонкую, как палочка, голую ногу. Смуглые руки были у нее такие же тонкие, а длинная шейка, на которой сидела выстриженная шариком черная голова, – совсем точно стебелек. Никто не сказал бы, что Анне скоро четырнадцать лет. Разве приглядевшись, по выражению лица. Такое было оно подчас серьезное и важное.

– Я все знаю, – продолжала она. – Говорят, что мама делает дяде невозможные сцены. Например, всю ночь кричит на него, в истерике, а если он не отвечает – даже за нос его дергает. До болезни его довела. Умер бы, если бы не уехал.

Помолчала, скривив презрительно губы, и прибавила:

– Это ужасно, эти истерички. Достоевщина какая-то. И ты бы окончательно свихнулся в этой атмосфере. Хорошо, что тебя к бабушке увезли.

– Я люблю у бабушки, – вдруг оживился мальчик, слушавший Анну до сих пор безучастно. Он был гораздо моложе, щуплый, с цыплячьими лапками. Совсем детское, курносое лицо выглядело как-то странно: не то задумчиво, не то глуповато.

Качались деревья. Под зеленой горкой блестел, сквозь тополя, длинный пруд.

– Я знаю, как у бабушки, – сказала опять Анна. – Бабушка ведь прежде с нами жила. Да теперь я ее давно не видала. Все так складывается плохо, – прибавила она рассеянно, повзрослому, точно про себя. – Тут я заболела, тут выдумали за границу эту, на целых два месяца. Ничего интересного, дома хоть книги есть. И дачу люблю.

– У нас в соборе мощи скоро откроются, – сказал Леша. – Бабушка говорила, теперь они под спудом, а потом откроются. Чудеса будут. Мы с бабушкой каждый Божий день в собор ходим. Только иногда к Иоанну Предтече. Там хорошо поют. Там «Птичку» знаешь?

– Какую птичку?

– Отче Наш такой, так называется. А еще есть Бортнянский; я Херувимскую знаю.

– Это что ты вчера наигрывал?

– Да, и другое...

Леша всякую свободную минутку подсаживался к дачному пианино и, нерешительно нащупывая клавиши маленькими, цепкими пальцами, извлекал удивительно верные, стройные звуки. И голосок у него был верный, чистый. При всем сознании своего превосходства, Анна тут Леше немного завидовала: была менее музыкальна.

– Ну, пойдем вниз, – сказала она, вставая. – Хочешь, покатаю на лодке? Не боишься?

– Нет, покатай.

– А ты умеешь грести?

– Нет.

– А плавать умеешь?

Мальчик покачал головой.

– Вот и я не умею. Мне давно купаться не позволяют. Вредно. Зато гребу хорошо, увидишь. Давай, побежим.

Схватились за руки и помчались к пруду, вниз, как самые настоящие дети, – оба. Живя постоянно между взрослыми, Анна привыкла и на себя смотреть, как на взрослую; ведь и книги она давно читала, какие хотела, с учителями рассуждала, как равная. Конечно, новоявленный двоюродный брат, смешной и глупенький, мог ее лишь забавлять...

Но вдруг вся важная взрослость точно слетала с Анны; вот и сейчас: бегут, смеются, одинаково ни о чем не думая, кроме веселого своего бега!

2

Как оно вышло, кто это сначала придумал, – неизвестно. Само вышло. Анна спросила Лешу, когда он раз сидел за пианино, подбирая всякие «гласы», знает ли он богослужение: «Потому что ты наверное батюшкой будешь».

Леша, конечно, знал. Ничего другого не знал, а это – назубок. Тогда и выдумалась пустая дача за акациями, куда можно было влезать в окно и совершать служения. «Тебе практиковаться нужно? – спрашивала Анна. – А я буду помогать. И так хорошо можно устроить».

В имении, где жили, была церковь, – в конце липовой аллеи, тут же. Но служил батюшка только по воскресеньям. И певчих не было. Анна же говорила Леше:

– Разве ты не читал бабушке, что нужна постоянная молитва. Постоянно молитесь и всегда радуйтесь. Может быть, вернее тебе даже не батюшкой сделаться, а монахом.

– Нет, монахи все святые.

– Ну, так что ж. Да святость, главное, от веры. Если ты имеешь веру...

Леша, оживившись, залепетал:

– Да, да, хоть с самое горчичное зерно, тогда все можешь... Сама бабушка говорила... Если молиться...

Анна усмехнулась.

– Ну, что там бабушка. Ты свою веру испытай, старайся.

Так учредились в пустой даче моления. Анна в службах была не тверда, но скоро, с помощью книжки гимназической, получилась, и дело пошло гладко. Леша, когда нужно, действовал за троих и читал, и возглашал, а уж пел-то он – прямо за целый хор.

Вскоре же начались и чудеса. Начались так: за чайным столом сидели дети вдвоем, только еще Эмма Федоровна, а мама уехала в город. Принесли кипящий самовар. Эмма Федоровна заварила чай и поставила чайник на самовар.

Анна обернулась к Леше и шепнула:

– Если иметь веру, так и мощей не нужно, и так будут чудеса. Ты имеешь веру.

– Я не знаю какую... – растерялся Леша. – Может, еще не с горчичное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.